

УДК 316.012

**ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ В УКРАИНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Поступной Александр Николаевич** – кандидат философских наук, профессор

*В статье анализируется состояние современной украинской социологии. Подчеркивается, что она находится в глубоком кризисе. По мнению автора, это проявляется в снижении ее статуса как вузовской дисциплины, в фактической отстраненности от анализа острейших проблем общества и способов их решения, в неспособности объяснить, почему 25 лет независимости Украины – это путь от индустриального уровня развития страны к аграрному. Причина плачевного состояния отечественной социологии, подчеркивается в статье, в ее идеологической заангажированности, блокирующей системное и объективное рассмотрение общества. Как следствие, невысокая востребованность социологии и социологов в обществе.*

**Ключевые слова:** социология, легитимность, идеология, капитализм, эксплуатация, мир-система.

*У статті аналізується стан сучасної української соціології. Підкреслюється, що вона знаходиться в глибокій кризі. На думку автора, це проявляється в зниженні її статусу як вузівської дисципліни, у фактичній відстороненості від аналізу найгостріших проблем суспільства і способів їх вирішення, в нездатності пояснити, чому 25 років незалежності України - це шлях від індустріального рівня розвитку країни до аграрного. Причина плачевного стану вітчизняної соціології, підкреслюється в статті, в її ідеологічній заангажованості, яка блокує системний та об'єктивний розгляд суспільства. Як наслідок, невисока затребуваність соціології та соціологів в суспільстві.*

**Ключові слова:** соціологія, легітимність, ідеологія, капіталізм, експлуатація, світ-система.

*The article analyzes the state of contemporary Ukrainian sociology. It is emphasized that it is in a deep crisis. According to the author's position, this is manifested in the reduction of its status as the university discipline, in the virtual detachment from the analysis of the most acute society problems and the ways to solve them, in the inability to explain why 25 years of Ukraine's independence is the path from the industrial level of the country's development to the agrarian one. It is stressed, that the reason of the deplorable state of Ukrainian sociology is in its ideological involvement, which blocks the systematic and objective consideration of society. As a consequence, the low essential of sociology and sociologists exists in the society.*

**Keywords:** sociology, legitimacy, ideology, capitalism, exploitation, world-system.

Вузовская социология в Украине переживает не лучшие времена. Все чаще возникают разговоры о предстоящем сокращении преподавания социологии и, соответственно, преподавателей; заметно уменьшается число абитуриентов, выбирающих эту специальность. Но что удивительно: сами социологи не очень активно анализируют состояние и перспективы своей науки и специальности, а, следовательно, и свои собственные. Тем не менее, такой анализ мог бы указать пути повышения востребованности социологии. Поэтому цель своей статьи я вижу в приглашении социологов к обсуждению перспектив вузовской социологии и повышения ее востребованности в обществе.

Активное внедрение социологии в число обязательных вузовских дисциплин, существенное увеличение числа факультетов и отделений, занимающихся подготовкой профессиональных социологов, произошло в начале 1990-х в течение всего лишь нескольких лет. Социология и политология заполнили нишу, освободившуюся после упразднения научного коммунизма и других идеологизированных общественных дисциплин. Курсы по социологии и политологии получили часы в учебных планах, соответствующие кафедры – помещения и ставки. Вскоре на кафедры пришли профессиональные социологи, подготовку которых Харьковский и Киевский университеты начали еще в самом начале 1980-х годов, открыв специализации на, соответственно, экономическом и философском факультетах. Позднее на их базе были созданы отделения социологии, а в 1990-м году в Харьковском университете был открыт первый в Украине социологический факультет. С этого момента подготовка социологов стала массовой, и кафедры социологии стали пополняться их выпускниками.

Такое начало открывало вузовских социологов, поверивших в большое будущее своей дисциплины. Подписанный в апреле 2001-го года Л. Кучмой Указ Президента Украины «О развитии социологической науки в Украине» был принят социологами как беспорное подтверждение их ожиданий. Однако дальнейшего продвижения не происходило. Даже те проблемы, которые казались мелкими и преходящими, не решались. В каких-то вузах курс социологии оказался очень коротким, не соответствующим самому понятию «учебный курс»; где-то он был только лекционным и не предусматривал семинарских занятий, без

которых нельзя говорить о глубоком усвоении учебного материала; во многих вузах итоговый контроль проводился в виде зачета, а не экзамена, что опять-таки снижало мотивацию студентов при изучении социологии. Все попытки улучшить ситуацию ни к чему не приводили.

Однако понадобилось еще несколько лет, прежде чем сами социологи начали уяснять грустную истину – такого статуса, как, например, у истории и философии, у социологии никогда не будет, и в наборе общественных дисциплин, преподаваемых в вузах, ей отведена второстепенная роль.

А вскоре это получило официальное подтверждение. В июле 2009 года вышел приказ Министерства образования и науки «Про організацію вивчення гуманітарних дисциплін за вільним вибором студента». Суть нововведения – в существенном сокращении обязательного набора социально-гуманитарных дисциплин и разделении всех предметов этого цикла на обязательные («нормативные»), и те, которые будут читаться только в случае их выбора самими студентами. В число избранных вошло пять предметов: украинские история, культура и язык, а также философия и иностранный язык.

Преподавателей социологии огорчило официальное признание второстепенности своего предмета и уменьшение общего количества часов («кредитов»), за которые ещё нужно будет бороться с преподавателями других предметов. Но многих успокоило то, что и после приказа в преподавании общественных дисциплин мало что изменилось. Курс социологии остался, только в учебных планах стал числиться как якобы выбранный самими студентами из предложенного списка курсов и спецкурсов.

Приказ не «заработал» «по техническим причинам». Свободный выбор студентами изучаемых дисциплин – это элемент иной системы организации учебного процесса, ключевым звеном которой выступает не факультет (с заранее утвержденным учебным планом специальности и постоянным составом академических групп), а кафедра, чьи курсы студенты выбирают самостоятельно. Соединить эти две модели, на мой взгляд, вообще нереально из-за большой сложности диспетчеризации (логистики) учебного процесса. Поэтому и это начинание повторило судьбу наших заимствований в рамках болонизации украинского образования: по форме пишем, «как у них», а по содержанию осталось, «как у нас». Но это будет продолжаться лишь до тех пор, пока наша система образования все еще будет пытаться сидеть сразу на двух стульях. Однако евровыбор Украины выбора как раз и не оставляет. Рано или поздно (скорее рано) ей придется принять европейскую модель с выбором студентами набора изучаемых дисциплин. И не только гуманитарных.

Что это будет означать для всех обществоведов, а не только для социологов? Во-первых, признание всех общественных дисциплин в качестве необязательных. Исключение будет сделано лишь для тех предметов, которые условно можно отнести к «українознавству». Во-вторых, отказ от цельного изложения предметов. Их заменят спецкурсы, из которых студенты сделают свой выбор. Главное их достоинство – название, способное привлечь студентов. А за этим последует и «в-третьих» – общее сокращение учебного времени на эти, по сути необязательные спецкурсы, которые и так будут больше напоминать этюды и зарисовки, чем учебные дисциплины.

Некоторые надеются, что недооценка социологии – это ошибка и она еще может быть исправлена. Увы. Такое «урезание» не только социологии, но и всего набора общественных дисциплин – это объективный процесс, обусловленный тем, что необходимость в них уменьшилась, и их сохранение в прежнем объеме теряет смысл, а финансирование превращается в обременительную трату денег.

Не все это понимают. На вопрос: какова главная функция обществоведов, за которую государство платит им деньги, многие ответят – формирование научного мировоззрения. А ответ неполный и неточный – в нем отсутствует понимание сущности проблемы. Хотя ответ, в общем-то, лежит на поверхности.

На семинарском занятии я как-то задал студентам вопрос: «Преподавались ли общественные дисциплины в советских вузах?». Ответ меня удивил, сразу с полдюжины студентов ответили: «Нет», «Конечно, нет», «Не преподавались» и т.д. И не одного альтернативного мнения. Пришлось на примере нашего вуза показать, что в нем остался тот же набор кафедр общественных дисциплин. Только кафедра научного коммунизма уступила место кафедре социологии и политологии. И это не удивительно, ведь объект исследования всех этих дисциплин остался прежний – общество.

Тут же последовали встречные вопросы: «Так что, это одно и то же?» и «Чем же они отличались?». Интерес студентов был понятен. Труднее понять преподавателей-обществоведов, которые предпочитают не ставить перед собой подобный вопрос. (Хотя по-своему они тоже правы. Кто-то понимает, что ответом на эти вопросы вряд ли можно будет гордиться, а большинство интуитивно следует английской поговорке: «Не будите спящую собаку»).

Студентам объяснил, что у советских обществоведов и нынешних есть как общее – формировать мировоззрение, так и отличие – разные миссии. Миссией общественных наук в советской системе образования было убедить всех в том, что «Коммунизм – светлое будущее всего человечества». Сегодняшняя миссия обществоведов – убедить всех в том, что «Рыночное общество и демократия – светлое будущее всего человечества». На мой вопрос: «Какая это функция?» студенты ответили верно – идеологическая. На что сразу же последовало замечание одного из студентов, что некоторые преподаватели-обществоведы убеждали, что их дисциплины не связаны с идеологией и очень гордились этим. Пришлось пояснить студентам, что если кто-то говорит о свободной от идеологии общественной науке или учебной дисциплине, то это или шутка, или глупость, или сознательная ложь.

Утверждение об идеологической заангажированности социологии (как и всего обществоведения), безусловно, вызовет не только неприятие, но и возмущение многих социологов, искренне верящих в идеологическую нейтральность своей науки. Нейтральность, декларируемую в качестве важнейшей предпосылки ее профессионализма и научности. Сошлется на свою готовность профессионально выполнять социологические заказы различных, в том числе и противоборствующих, политических сил. Однако вопреки тому, что думают или хотят думать о себе и своей науке социологи, самой социологии с момента ее возникновения и до сегодняшнего дня присуща, на мой взгляд, жесткая идеологическая заангажированность, блокирующая ее способность адекватно воспринимать макросоциальные процессы. Следует только учесть, что идеологию можно защищать не только словом, но и ...умолчанием.

Ни одно государство не может функционировать без принятия большинством его граждан основных устоев существующего общественного строя, то есть его легитимации. В курсе политологии понятие легитимности обычно употребляют по отношению к власти. Но для самого общества более важной является легитимность общественного строя, о которой, кстати, те же политологи обычно умалчивают. Если утрата легитимности власти ведет к ее смене (от очередных или внеочередных выборов до военного переворота), но не требует изменения строя, то утрата легитимности строя меняет его кардинально в ходе революции или контрреволюции. Наглядный тому пример – распад Советского Союза. Успешно выдержавший за свою историю множество ударов, он рассыпался легко и быстро, когда значительная часть общества отказала ему в доверии, лишила его легитимности, поверив в свое скорое и неизбежное процветание в рамках капиталистического строя, то есть легитимировав его.

Общественные науки призваны обеспечивать легитимность и власти, и строя. Хотя для каждой науки (дисциплины) сочетание этих задач специфично. Курс философии обеспечивает легитимацию строя и в нем можно не затрагивать действующую власть, а, следовательно, не касаться проблемы ее легитимности. И трактовать это как доказательство своей идеологической нейтральности. Задача историков сложнее: вопреки названию своего предмета, они больше других обществоведов связаны с оценкой современных процессов и явлений, а, следовательно, и действующей власти. Это ставит их в довольно специфическое положение: только в течение десяти лет (с 2004-го по 2014-й) им пришлось трижды менять оценки происходивших в стране событий на прямо противоположные, обеспечивая легитимность действующей власти. Социология, претендующая на статус науки об обществе как целостной системе, призвана обеспечивать легитимность строя.

Любое общество с момента его становления как социума могло сохранять свою целостность лишь при условии, что большинство его членов объединяет единая система норм и ценностей во взглядах на окружающий мир, на самих себя и свое сообщество. Первоначально, это была система мифов и легенд, обычаев и табу, верований и ожиданий. Она объединяла всех членов рода в единое «Мы», институционализировала существующую модель жизни и основные формы жизнедеятельности. На этом этапе культура и мировоззрение формируются всеми членами сообщества, она едина и отражает их общий интерес к сохранению самого сообщества и существующей в ней системы отношений.

С возникновением института частной собственности, классов и эксплуатации единство интересов членов общества исчезает, целостность же общества достигается принуждением к ней одного класса другим. Создается и орган принуждения – государство. А вместе с ним формируется и идеология, призванная, в частности, легитимировать социальное неравенство, право одной части общества жить за счет эксплуатации другой части. С этого момента всю историю человечества можно рассматривать как последовательно меняющиеся способы такой легитимации эксплуатации человека человеком.

Процесс становления и функционирования первых форм классового общества – восточной деспотии, античного рабства и военной демократии базировался, в первую очередь, на силовом принуждении эксплуатируемого класса. Особенностью идеологического обеспечения данной модели было то, что она обращена прежде всего к самим рабовладельцам (свободным гражданам) и призвана оправдать рабство. Рабов она касалась мало. Поэтому подчинять их приходилось силой. Однако это очень затратный и малоэффективный метод. Был нужен механизм легитимации эксплуатации в сознании самих эксплуатируемых.

Эту задачу успешно осуществляет феодализм с помощью христианской религии. Религия обеспечивала это трояко: обожествлением существующего строя, монарха и его власти; признанием их незыблемости и угрозой всех кар земных и небесных для тех, кто будет этому противиться; обещанием царства небесного всем покорным. И третье было наиболее важным. Легитимность всегда предполагает восприятие явления или процесса как приемлемого, справедливого. Хотя бы в какой-то мере. Поэтому и жестокая реальность феодального строя не порождала непрерывного протеста против нее и даже некоторого согласия с ней, поскольку жизненные страдания трактовались как необходимое испытание и единственный способ получить пропуск в рай. Поэтому и обмен всего лишь нескольких десятков лет земной жизни на вечное блаженство в сознании большинства населения был приемлемым, то есть легитимным.

Крах самого феодализма стал возможным и неизбежным в силу утраты им своей легитимности, что произошло под влиянием ...религии. Протестантской. Ее кредо, что земное счастье людей не только возможно, но и угодно богу, по мере своего распространения никаких шансов на сохранение феодализму не

оставляло. Ибо механизм его легитимации – обещание райской жизни в обмен на земные страдания и послушание – разрушился.

Проблема легитимации встала и перед капиталистическим обществом и встала остро. Обеспечив свободу личности, что было несомненным благом, капитализм не решил многое из того, что было обещано лозунгами той же Французской революции и на что надеялись люди. Большинство населения осталось в нищете и бесправии, а поскольку секуляризация общественного сознания уже лишила людей надежды на «компенсацию» этих страданий в загробной жизни, в Европе начинаются протесты уже против существующего строя: луддиты, восстания ткачей, чартистское движение и тому подобное.

В борьбу за легитимацию существующего строя, наряду с другими институтами, включаются и общественные науки, в том числе формирующаяся в это время социология. Она защищала этот строй двояко. С одной стороны, обосновывала справедливость существующего строя тем, что он обеспечил личную свободу граждан и тем самым привел общество в полное соответствие с законами природы, по которым выживает сильнейший. Предельно четко этот подход выразил Г. Спенсер. С другой стороны, убеждая, что по мере своего развития общество будет преодолевать изъяны и противоречия, оставшиеся от предыдущего строя. И задача социологии – помогать обществу находить пути и способы решения таких проблем. Это линия О. Конта, которая стала для социологии доминирующей.

В начале второй половины 19-го столетия произошли события, значительно усложнившие задачу всех общественных наук, в том числе и социологии, особенно той ее части, которую принято называть «общей социологической теорией», – начали формироваться теории социалистической альтернативы капитализму. Борьба с ними и прежде всего с марксизмом стала важнейшей задачей социологии. Вернее, это задача либерального проекта в целом, а социология – всего лишь его часть. Либерализм и марксизм были как «сиамские близнецы», объединенные капитализмом, и в то же время как ответы-антиподы, разделенные отношением к капиталистическому обществу: если либерализм защищал его и видел свою задачу в поиске путей его совершенствования и легитимации, то марксизм, наоборот, обосновывал тезис о его несправедливости и преходящем характере. «Яблоком раздора» для них стала теория прибавочной стоимости, раскрывающая механизм капиталистической эксплуатации.

Поэтому всем общественным наукам пришлось решать две задачи: научную – познавать общество и идеологическую – способствовать формированию и поддержанию веры в его справедливость. Казалось бы, что решение второй задачи должно было опираться на успехи в решении первой. Однако взаимосвязь науки и идеологии сложнее. Во-первых, истина, которую ищет наука, и вера, лежащая в основе идеологии, – это феномены разных форм общественного сознания, которые между собой прямо не коррелируются. Банальная истина: доказать наличие бога или его отсутствие – наука не может. Во-вторых, в субординации этих задач приоритет был отдан второй, идеологической, что и привело социологическую теорию к печальным последствиям. Она может изучать общество в любых его проявлениях, используя различные инструменты и методы, поэтому число возможных вариантов таких исследований, школ и парадигм бесконечно. Но необходимость решения идеологической задачи требовала, чтобы результаты таких исследований а priori не ставили под сомнение идею о справедливости капиталистического строя, а главное – не допускали признания эксплуатации человека человеком как сущностного отношения капитализма. Поэтому во всех созданных социологами теориях общества эксплуатации нет. В итоге эта победа для социологии (имеется в виду общая социологическая теория) оказалась пирровой. В обществе, основанном на частной собственности, эксплуатация была, есть и будет. Ее формы исторически изменчивы, но неустранимы. Поэтому все теоретические концепции общества, исключавшие ее, для познания реального общества оказались непригодны. Они способны передать его черты и контуры, описать многие процессы, но бессильны раскрыть суть общества, законы функционирования и развития.

Но заметно это стало не сразу. Тем более, что уже с конца девятнадцатого столетия – с начала формирования социального государства, смягчавшего противоречие труда и капитала, решать эту идеологическую задачу стало легче. А со второй половины двадцатого века, с переходом к обществу всеобщего благосостояния задача формирования соответствующего мировоззрения у жителей развитых стран оказалась практически решенной. Уровень благосостояния населения этих стран обеспечивал высокий, а в ряде стран и высочайший уровень легитимности строя. Что и сыграло злую шутку с общей социологической теорией. Западные государства еще какое-то время продолжали ее финансировать как инструмент идеологической борьбы с теорией марксизма, но с крахом Советского Союза, олицетворявшего эту теорию, отпала и необходимость в ее сохранении и финансировании. В обзорах западной социологии в 1990-е годы постоянно подчеркивалось, что одной из животрепещущих для западных социологов и явно неожиданной для них стала проблема резкого уменьшения финансирования разработки вопросов общей социологической теории. А объяснение простое: она «боец» идеологического фронта. И после одержанной победы ...была «демобилизована». При отсутствии идеологических противников в ней нет особой необходимости. А их пока нет.

Поэтому сегодня востребованы и финансируются лишь те работы социологов, которые проводятся в рамках частных (отраслевых и т.д.) теорий и конкретно-социологических исследований.

Достигнутый в развитых западных странах уровень благосостояния был не единственным, но, безусловно, важнейшим доводом, лишившим Советский Союз легитимности в глазах собственного народа.

Етому поспособствовала и деятельность руководства КПСС. Прежде всего – принятием программы построения коммунизма.

Программа построения основ коммунизма в СССР к 1980-му году была призвана обеспечить победу социализма над капитализмом. В качестве критериев победы были приняты показатели развития США, которые следовало догнать и перегнать. Уже в силу несоизмеримости технологических зон, особенно после разрыва связей с Китаем, победа СССР в экономическом соревновании была невозможна. Союз еще мог обеспечить равенство и даже превосходство в решении отдельных задач, но только за счет концентрации усилий и ресурсов на этих направлениях, оставляя все остальные «на голодном пайке». Не лучше и с обещанием превзойти США в области образа жизни. Ценностным ядром западного образа жизни был высокий уровень благосостояния, в первую очередь, потребления. Советского – равенство и справедливость. Он имел свои реальные преимущества: бесплатное и качественное образование, доступная медицина, низкие коммунальные платежи, незначительный уровень социальной дифференциации, уверенность в завтрашнем дне и др. Взяв же в качестве важнейшего критерия уровень потребления, страну обрекли на поражение. Достигнуть такой уровень потребления, как в США и наиболее развитых странах Европы, было невозможно.

Деструктивным фактором стало и поведение советской номенклатуры, которая активно приступила к ускоренному повышению уровня благосостояния, но не общества, а своего личного, причем явно не за счет трудовых доходов. Для прежней системы ценностей, базировавшейся на идее равенства и справедливости, это был удар, ускоривший делегитимацию власти и строя. Крах стал неизбежным.

Независимая Украина переняла советскую систему преподавания общественных наук. И это было понятно. Но и через четверть столетия она сохранила весь их набор, хотя в этом уже не было необходимости, поскольку изменились как задачи обществоведов, так и способы их решения. Советская система обеспечивала веру в коммунистическое будущее через детальное изложение путей и способов достижения этой цели, ссылаясь на их научную обоснованность. У Украины задача иная. Она избрала капитализм, который уже реально существует. Социология изначально трактует его как высшую или, в соответствии с теорией «трех стадий» ее основателя Огюста Конта, третью и последнюю стадия общественного прогресса. Это с большим апломбом повторил и Френсис Фукуяма в своем «Конец истории», ставшим мировым бестселлером конца прошлого столетия. Поэтому идеологическое обеспечение капитализма, его легитимация вытекает прежде всего из факта реального процветания наиболее развитых стран мира. В этом контексте сохранение большого блока общественных дисциплин, которые доказывали бы это, утрачивает практический смысл. Как говорят рекламисты, «зачем платить дважды?». Достигнутый в тех же США высокий уровень потребления, принятый в качестве эталона, решает эту задачу практически в автоматическом режиме.

Для Украины актуальным был другой вопрос: а может ли и она достичь такого уровня развития? На что развитые страны безапелляционно заявляют: рыночная экономика и либеральная демократия – это светлое будущее всего человечества. Более того, они взяли на себя миссию привести мир к этой цели.

Однако утверждение о том, что путь к «светлому рыночному будущему» открыт для всех, это одна из наибольших мистификаций в истории. Мировая статистика однозначно опровергает данный миф: мир идет прямо в противоположном направлении. Разрыв в уровне развития передовых стран и отстающих непрерывно увеличивается, что в свое время показал еще И. Валлерстайн – один из немногих известных социологов, для которого капитализм и эксплуатация неразделимы. Более того, последние несколько десятилетий растет имущественная дифференциация в самих Соединенных Штатах: бедные слои беднеют, богатые – становятся еще богаче. Как отмечают некоторые аналитики, протест против этой тенденции и стал одной из главных причин победы Трампа. Растет дифференциация и внутри ЕС между «северными» и «южными» странами, старыми и новыми членами союза, угрожающая ему расколом.

Обеспечить даже европейский уровень развития и благосостояния всему человечеству в рамках либеральной модели невозможно. Во-первых, для этого нет необходимых ресурсов. Тот же Римский клуб (и не только он) доказывают это однозначно. Во-вторых, либеральный проект – это не только наиболее развитые страны мира, а мир в целом, мир-система. У каждой страны свои роль и место в этой глобальной системе. Несколько десятков стран с рыночной экономикой процветают, и происходит это именно благодаря использованию механизмов рынка. Но в мире на порядок больше стран, которые не процветали, не процветают и никогда процветать не будут. И это тоже реалии рынка. Современный мир иерархичен и жесток. Он, как пирамида, к вершине которой, стремятся все, а доходят только сильнейшие. Удел остальных стран – быть основанием этой пирамиды, нести ее на себе. Именно нести. Ведь благополучие верхних в значительной мере создается за счет эксплуатации нижних, безвозмездного взимания с них «дани».

Что удивительно, западные обществоведы, в отличие от отечественных, функционирования такой системы не отрицают. В учебнике «Социология» Дж. Масиониса говорится: «Хотя мы склонны считать благополучие нашим достоинством, социологический подход показывает, что эти достижения связаны в основном с привилегированным положением, которое занимают США в глобальной социальной системе» [2, с. 30]. И это «привилегированное положение» ежегодно обеспечивает Штатам дополнительно 2–3 триллиона долларов! Как говорится, дай Бог так жить каждому. Но, увы, жить за чужой счет все не смогут.

Ведь кому-то за это пиршество приходится платить. Тем более, что свою долю получают и другие развитые страны.

Главное – уметь это «правильно» трактовать. Во время посещения ряда американских вузов я обсуждал это с американскими коллегами. При неподдельной гордости за свою страну они не оспаривали мои слова о том, что США живут за счет других стран и народов. Для них это столь же очевидно, как и для меня. Они лишь уверяли, что это справедливо. И приводили аналогию со спортом, где интригу состязания создает целая группа бегунов, а приз достается лучшему. Сегодня они лучшие, и это тот приз, который благодарное человечество вручает им как победителям в этой гонке. Мне даже пообещали, что если когда-то лидером мира станет Украина, то тогда весь мир, включая Штаты, будет работать на нас. И это будет справедливо. За такую перспективу я, конечно, поблагодарил их. От себя и от имени всей Украины.

Трезвость суждений американских коллег понятна, ведь они учат тех, кто должен и дальше обеспечивать функционирование этой благосклонной к ним «глобальной социальной системы». А миф о светлом будущем для всего человечества – это способ ее легитимации, осуществляемой по тому же алгоритму, который использовала религия: ведите себя хорошо, оставайтесь послушными и будет вам счастье!

При этом менее развитым странам непременно навязывается ряд рекомендаций, ...блокирующих саму возможность их эффективного развития. Среди таких «троянских коней» можно назвать призыв к первоочередности демократизации всех сфер жизни и необходимости лишения государства каких-либо полномочий в сфере экономики. Подробное рассмотрение этих вопросов – это отдельная тема. Здесь же ограничимся только констатацией. С одной стороны, история не знает примеров стран, которым бы удалось успешно совершить цивилизационный рывок, используя названные принципы. А с другой, страны Юго-Восточной Азии, которым это все же удалось, действовали с точностью до наоборот. Тот же авторитарный режим – не помеха, а условие стремительного развития этих стран. Если бы Китай выполнил все рекомендации западных стран по демократизации своего общества, он бы не стал тем, чем он является сегодня. И лишь достигнув определенного уровня развития, страна получает возможность приступить к действительной демократизации.

Поэтому когда Запад навязывает этот миф, он защищает свое право жить за счет эксплуатации менее развитых стран и народов. Когда же этот миф повторяем мы, то мы обеспечиваем эксплуатацию Украины. Как говорится, без комментариев. Задача отечественных обществоведов облегчается тем, что им ничего не надо доказывать, а просто принять утверждение о «светлом будущем», что называется, по умолчанию, как само собой разумеющееся. Главное – не оспаривать его. Просто промолчать. А чтобы это было легче обеспечивать Запад фактически отказался от общественных наук. Для чего методологию постмодернизма, отрицающего саму возможность объективности и достоверности, перенес на познание общества. Таким образом удается не только блокировать комплекс собственной научной неполноценности, но и выполнить социальный заказ.

Сегодня в управлении обществом все большую роль играют методы и технологии непосредственного воздействия на сознание людей: реклама, PR, управление персоналом, формирование общественного мнения, информационные или психологические войны и т.д. Специалисты знают, что такие методы наиболее эффективны при воздействии на аудиторию, не имеющую четких представлений о рассматриваемой проблеме. Применительно к управлению обществом власть заинтересована в том, чтобы представление людей об обществе, законах его функционирования и развития было неполным, фрагментарным, неустойчивым, что позволяет, при необходимости, легко управлять ими. Сознание студентов и населения в целом должно оставаться мозаичным, калейдоскопическим, некритичным, способным в ответ на определенный стимул обеспечивать соответствующую реакцию. Поэтому общественные дисциплины из учебного процесса будут выводиться и дальше.

Не вижу оптимизма и для преподавателей, обеспечивающих подготовку собственно профессиональных социологов. Запрос общества на таких специалистов невелик. С момента начала их подготовки в Украине на пленарных заседаниях съездов, конгрессов и конференций ведущие социологи страны часто ставили один и тот же вопрос: «Почему общество не привлекает социологов к поиску путей решения сложных и острых проблем, разработке стратегии развития страны? Не использует потенциал социологии?». Сейчас уже не спрашивают. И не потому, что проблема разрешилась. Просто одни устали спрашивать, другие смирились и воспринимают такое положение как реальность, «данную нам в ощущениях», а третьи знают ответ, но не хотят его озвучивать, дабы не стать «белой вороной» для своих коллег. Ибо суть ответа сводится к тому, что сегодняшняя общая социологическая теория наукой об обществе так и не стала. Она симулякр. Поскольку изучает и описывает общество только в «расчлененном» виде. Поэтому спрашивать у социологов об обществе как целостной системе – это у слепого спрашивать дорогу.

Обществоведы (и не только социологи) не могут ответить на вопрос, почему все то, что было громко обещано и во что искренне поверило большинство населения страны в момент обретения независимости, поддержав «цивилизованный» путь развития, так и не стало явью. Вместо скорого превращения в высокоразвитую страну европейского уровня произошло то, что на рубеже 1990-х могло присниться только в страшном сне – все это время мы неудержимо катимся вниз. Мечтали об уровне высокоразвитых стран, а в свой первый настоящий юбилей – четверть столетия «незалежності», – Украина

оказалась на пороге вхождения в малопочтенное сообщество стран третьего мира. Более того, падение не только не остановилось, но и ускоряется, и каждая смена правящей верхушки оборачивается очередной ступенькой лестницы, ведущей вниз. Только с 2013 года по 2016 год ВВП Украины упал с 183 млрд. долларов до 90,6!

Сегодня украинское общество – яркий пример циничной и жестокой эксплуатации большей части населения. И не только классической (за счет заниженного уровня заработной платы), но и через разграбление активов общества, «распила» бюджета, повальную коррупцию, через разворовывание внешних кредитов, позволяющих эксплуатировать не только живущих ныне, но и будущие поколения. Видят это все, кроме обществоведов, социологов в том числе. За все годы независимости они не представили целостной картины нашего общества как социальной системы, не раскрыли механизмы его функционирования, места и роли в нем эксплуатации и пути ее смягчения.

То, что обществоведы, в подавляющем большинстве, соблюдают «табу» на изучение общества как целостной системы, а также законов ее функционирования и развития, отнюдь не случайно. Ведь им платят в полном соответствии с поговоркой: «слово – серебро, а молчание – золото». Конечно, зарплату обществоведов золотой не назовешь (ни с точки зрения ее величины, ни по сути; в этом плане она все же, скорее, «серебренники»). Но платят именно за молчание о сути общества и механизмах его функционирования и развития. И прежде всего за «невидение» эксплуатации, за согласие с утверждением о том, что «рыночное общество и либеральная демократия – светлое будущее всего человечества», за поддержание мифа о том, что все эти двадцать пять лет мы неуклонно приближаемся к заветной цели и т.д.

И все эти годы Украина остается донором для более развитых стран. Экономисты по-разному оценивают размеры ее «вклада» в благополучие действительно благополучных стран, но в чем они сходятся, так это в том, что исчисляется он в миллиардах долларов. И если мы действительно хотим стать развитой страной, то обязанность общественных наук и обществоведов состоит не в том, чтобы легитимировать право развитых стран жить за наш счет, а в том, чтобы вооружить общество знанием путей и способов превращения страны из донора прибавочного продукта (прибавочной стоимости) для счастливых обладателей социальных экономик в ее получателя. И этому следует учиться у развитых стран, прежде всего у США. Не слушать, что они говорят, а смотреть, что они делают. Между словами и делами – пропасть. Конечно, мы не сможем воспользоваться всеми их козырями: эмиссией гривни, которую весь мир принимал бы так же охотно, как доллар; жить в долг, не думая о его возврате, как не думают Штаты, у которых суммарный долг только внефинансового сектора составил уже 47 триллионов долларов. Но вот ренту второго порядка мы должны научиться получать не хуже, чем они. И начинать надо с перекрытия тех каналов, по которым прибавочная стоимость «вытекает» из Украины, и расширения тех весьма немногочисленных, которые уже есть, а главное создания новых, по которым она будет поступать к нам. Это сложно и очень трудно, но это возможно. Для этого необходима реальная теория общества как целостной системы. Если украинские социологи не смогут или не захотят переключиться на решение этой задачи, то у них нет будущего. У Украины – тоже. Но это уже другая тема.

По силам ли нам создать науку «об обществе как реальном целостном социальном организме, механизмах его развития»? [2, с.4]. Полагаю, что да. По крайней мере, в начале девяностых годов прошлого столетия были два варианта развития социологии в Украине. Для себя я их называл вариантами Е.А. Якубы и Т.И. Заславской. Если первый еще нужно было создавать, но он давал такой шанс, то второй был уже готов, поскольку это калька западной социологии. Тогда отечественная социология упустила свой шанс и пошла по второму пути: ради выполнения идеологического заказа отказалась от системного изучения общества. Это тупик.

#### Литература:

1. Масионис Дж. Социология. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 752 с.
2. Якуба Е. А. Социология. Учебное пособие для студентов, Харьков: Издательство «Константа», 1995. – 192 с.